

ЕГОР КРЕПАК

СТАЖЁР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Крепак

Стажёр

«Автор»

2026

Крепак Е.

Стажёр / Е. Крепак — «Автор», 2026

Война не заканчивается, когда ты возвращаешься домой. Она просто меняет звук. Окопная грязь, спаренные изолентой магазины, перепрошитые сканеры и тяжелая, звенящая тишина засады за Осколом. Это не глянцевого боевика о неуязвимых героях, а суровая, нецензурированная хроника одного подразделения. Никита с позывным «Стажёр» выжил случайно. Но каково это — вырваться из бесшумного ада и вернуться в мирную жизнь, где гул обычного соседского квадрокоптера заставляет падать на пол, кошмары сводят с ума, а в руке остался лишь мультитул погибшего товарища? Что страшнее: прямой штурм или глухая тишина в рации? Как спастись от войны, если ты принес ее с собой? Какова цена ошибки, когда за спиной никого не осталось? Внимание: текст содержит нецензурную брань и жестокие сцены. 18+.

© Крепак Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Глава 1. Точка невозврата	6
Глава 2. Выезд на ленту	8
Глава 3. Другая сторона света	10
Глава 4. Боевое крещение	11
Глава 5. Ответный удар	14
Глава 6. Начало СВО	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Егор Крепак Стажёр

Посвящение

Посвящается всем, кто был или находится за лентой....

Глава 1. Точка невозврата

Резкий, требовательный стук в дверь разорвал утреннюю тишину. На часах — начало восьмого. На спинке стула аккуратно висела выглаженная с вечера рубашка. Сегодня был тот самый день: выход на стажировку в компанию, куда я пытался пробиться весь последний год. Диплом защищен, резюме в папке — оставался один шаг до нормальной, взрослой жизни. Стук повторился. Настойчивый, увесистый, не терпящий возражений. Щелкнул замок. На пороге стояли двое в форме с дежурными, стеклянными взглядами и стопкой бумаг в руках. — Фамилия, имя, отчество? Распишитесь. С вещами на выход, время на сборы минимальное. Вот так просто. Без киношной драмы и пафосных речей. Тонкий бумажный корешок за секунду перечеркнул выглаженную рубашку, стажировку и все планы на будущее. Настоящий донецкий военкомат в дни мобилизации меньше всего походил на красивые кадры из телевизора. Это был гудящий, нервный конвейер. В тесных коридорах с выцветшей еще советской краской стоял спертый, густой запах дешевого табака, сырости и немытых тел. Здесь моментально стерлись все социальные статусы: вчерашние студенты с модными рюкзаками жались к стенам в одной очереди с суровыми шахтерами в потертых куртках и растерянными мужиками из офисов. Медкомиссия работала как бездушная сортировочная машина. Уставший врач, даже не поднимая воспаленных глаз на очередного призывника, монотонно штамповал карточки: «Годен. Следующий». Скрип дверей, матерная ругань курящих на крыльце, хриплый голос дежурного, выкрикивающий списки фамилий. Огромный механизм пришел в движение, безвозвратно перемалывая их личные судьбы в один общий, безликий строй. Громкоговоритель хрипнул в последний раз, выплевывая искаженные помехами фамилии. Нас выгнали во внутренний двор. В нос сразу ударил едкий, сизый выхлоп старенького ПАЗика, который тархтел у ворот, мелкой дрожью отдаваясь в промерзший асфальт. Никаких красивых шеренг и строевого шага. Просто серая, напряженная масса людей в разношерстной одежде — кто в старых охотничьих камуфляжах, кто в рабочих робах, кто в обычных городских куртках. — По машинам! Вещи на колени, плотнее садимся! — гаркнул сопровождающий с красным от недосыпа и нервов лицом. В салоне густо воняло соляжкой, въевшейся в сиденья пылью и застарелым перегаром — кто-то из мужиков явно пытался заглушить стресс еще с ночи. Я оказался зажат у дребезжащего окна между грузным, молчаливым мужиком с глубокими морщинами и дерганым парнишкой в слишком тонкой для осени ветровке. Автобус дернулся, со скрежетом лязгнула коробка передач, и мы покатались по разбитому асфальту прочь от военкомата. Знакомые донецкие улицы, по которым я еще вчера уверенно шагал на собеседование, сейчас казались абсолютно чужими. Будто я смотрел документальное кино через грязное, заляпанное грязью стекло. Мужик слева со вздохом достал из кармана мятую пачку дешевых сигарет, хотя курить в тесном салоне было нельзя, и просто начал нервно крутить одну из них в мозолистых, с въевшейся в кожу угольной пылью пальцах. — Шахтный? — хрипло спросил он, не поворачивая головы. — Нет, — я мотнул головой, хотя он этого не видел. — Политех. Только диплом на руки выдали. Инженер. Мужик усмехнулся. В уголках его глаз собрались жесткие складки. Он аккуратно, бережно спрятал нераскуренную сигарету обратно в пачку. — Инженер... Это хорошо. Голова на плечах там нужнее, чем широкая спина. Я — Михалыч. До десятого года в забое рубил, потом на заводе металл тянул. А звать тебя как? — Никита, — коротко ответил я. — Значит, будешь «Стажёром», Никита. Или «Доцентом», если шибко умничать начнешь, — беззлобно, но серьезно хмыкнул Михалыч. — Ты, главное, Стажёр, ушами сейчас не хлопай. На распределителе начнется знатный цирк. Каптерщики будут спешить, кидать всё подряд. Форму бери на размер больше — усохнешь быстро, да и термобелье поддеть место нужно. И берцы проси старого образца, "крокодилы" дубовые. Ноги в кровь сотрешь поначалу, зато они через неделю в окопной грязи не развалятся, в отличие от новых красивых. Запомнил? Я кивнул.

Парнишка справа нервно хохотнул, попытался встрять в разговор с какой-то глупой шуткой, но автобус сильно подбросило на ухабе, и его слова потонули в натужном вое двигателя. Город за окном неумолимо сменялся серыми промзонами, бетонными заборами и бесконечными осенними лесополосами. Дорогая выглаженная рубашка под курткой, которую я так и не успел переодеть дома, противно и холодно липла к взмокшей спине. Старая жизнь окончательно осталась где-то там, за последними городскими блокпостами. Впереди нас ждал распределительный пункт — огромный, бездушный механизм, где из толпы растерянных гражданских мужиков им предстояло выковать тех, кто сможет выжить. Распределительный пункт встретил нас пронизывающим ветром и чавкающей грязью под ногами. На огромном плацу, огороженном бетонным забором с колючей проволокой, толпились сотни таких же выдернутых из гражданской жизни людей. Очередь в каптерку двигалась мучительно медленно. Выдача снаряжения напоминала злую насмешку над любыми современными военными фильмами. Хмурый прапорщик с черными кругами под глазами молча швырял на прилавок вещи, почти не глядя на размеры. — Следующий! — рявкнул он, когда я оказался у окна. На потертую стойку прилетел застиранный камуфляж старой расцветки, больше похожий на плотную рабочую кофту, жесткий брезентовый ремень, вещмешок-сидор и массивная, облупленная по краям стальная каска. И всё. Я инстинктивно потоптался на месте, ожидая продолжения. — А бронежилеты? — вырвалось у меня. Прапорщик на секунду замер и поднял глаза. В них не было ни злости, ни издевки — только глухая, беспросветная усталость человека, который не спал третьи сутки. — В кино твой бронежилет, парень. Броники, разгрузки и теплая форма — всё потом, если добудете или если волонтеры довезут. Пока твоя броня — это вот эта каска и удача. Не задерживай очередь! Следующий! Я отошел в сторону, прижимая к груди охапку холодного барахла. Михалыч, стоявший позади, похлопал меня по плечу широкой ладонью: — Не дрейфь, Стажёр. Броник — это, конечно, хорошо, но он увесистый. А падать в грязь и бегать нам придется много. Главное — голову береги, — он покрутил в руках свою стальную сферу, содрав ногтем кусок отслоившейся зеленой краски. Но настоящий, первобытный холод пробрал меня до костей через час, у длинных столов с вывеской «Оружейка». Здесь пахло иначе. Въедливый запах пушечного сала и машинного масла перебивал аромат сырости и сигарет. В деревянных ящиках, как спящие стальные хищники, лежали автоматы. Мне в руки сунули АК-74. Не модный тактический ствол с коллиматором и удобными ручками из видеоигр, а потертый, рабочий инструмент со сливовым пластиковым цевьем и царапинами на ствольной коробке. Металл был густо измазан в заводской смазке. — Номер перепиши в военник, живо! И распишись, — командовал офицер. Я взял автомат. Он оказался неожиданно пудовым — три с половиной килограмма концентрированной смерти. Холодный металл обжигал голые ладони. Я провел большим пальцем по рельефной крышке ствольной коробки. В голове почему-то всплыли школьные уроки ОБЖ и тот самый легкий пластиковый муляж, который мы на время разбирали в классе, дурачась перед девчонками. Как же нелепо и далеко это казалось сейчас. Здесь, с куском промасленного железа в руках, в тонкой застиранной куртке и без какой-либо защиты на груди, я впервые по-настоящему осознал: это не сборы. Это не затянувшаяся ошибка военкомата. Отныне между мной и летящим навстречу осколком — только тонкий слой ткани. И моя жизнь теперь зависит лишь от того, как быстро эти привыкшие к клавиатуре руки научатся вгонять магазин в приемник.

Глава 2. Выезд на ленту

Полигон встретил нас мелким, секущим дождем и вязким донецким черноземом. Он моментально налипал на подошвы гражданских ботинок, превращая ноги в гири. Никакого современного стрельбища с ровными рубежами здесь не было. Только наспех скрытый экскаватором вал земли вдалеке да несколько ржавых, пробитых автомобильных капотов вместо укрытий. Нас выстроили в неровную шеренгу прямо в грязи. Офицер, кутаясь в плащ-палатку, прошел вдоль строя, отсчитывая каждому в подставленные ладони горсть патронов. Холодных, остроносых, покрытых тонким слоем оружейной смазки. Я пересчитал свои. Двенадцать штук. Двенадцать выстрелов на то, чтобы превратиться из вчерашнего инженера в боевую единицу. — Магазины снарядить! — разнесся над полем хриплый крик, тонущий в шуме ветра. — Пристрелка одиночными. По земляному валу... Огонь! Я вбил патроны в рыжий бакелитовый магазин, неумело, с лязгом примкнул его к автомату. Щелчок предохранителя показался оглушительно громким. Вспомнив школьные уроки на легких пластиковых макетах, я упер деревянный приклад в плечо. Сердце колотилось где-то в горле. В компьютерных играх оружие не имело веса. Там не было этого мерзкого холодного дождя, заливающего глаза, и окоченевших пальцев, которые еле чувствуют ледяной спусковой крючок. Я навел мушку на далекий бруствер, задержал дыхание и плавно потянул спуск. Выстрел! Автомат резко дернулся, больно лягнув в ключицу. По ушам ударил сухой, хлесткий грохот, моментально оглушив правое ухо. В нос ворвался кислый, едкий запах сгоревшего пороха — совсем не такой, как в кино, а удушливый, химический. Горячая гильза со звоном отлетела куда-то в лужу. Слева гулко, размеренно забахал автомат Михалыча. Шахтер стрелял без суеты, сжав челюсти так, что желваки ходили ходуном под грязной щетиной. — Чего застыл, Стажёр? — крикнул он сквозь звон в ушах, заметив мое оцепенение. — У тебя их всего одиннадцать осталось! Привыкай к звуку, чтобы в окопе от страха не обделался, когда над ухом бахнут! Дави приклад сильнее, не гладь его! Я сделал еще выстрел. Потом еще. Металл ствола под левой рукой начал медленно, приятно согреваться. Двенадцать патронов закончились непростительно быстро, оставив после себя лишь гудящую пустоту в голове и ноющее от с непривычки плечо. Затвор сухо щелкнул впустую. — Оружие к осмотру! — снова гаркнул офицер. — Строиться у машин! Учебка окончена, парни. Дальше учить будет земля. Мы побрели к ожидавшей нас колонне тентованных «Уралов». Я посмотрел на свои руки. Они всё еще мелко дрожали от адреналина, но пальцы уже мертвой хваткой сжимали потертое цевье. За эти пятнадцать минут под дождем что-то безвозвратно надломилось. Старая жизнь окончательно растворилась в пороховом дыму, уступая место первобытному инстинкту выживания. Металлический борт «Урала» с лязгом захлопнулся, отсекая нас от серого неба. Кто-то снаружи наглухо зашнуровал тент, и кузов погрузился в густую полутьму, пропитанную запахом солянки, мокрой шерсти и въевшейся пыли. Мы сидели на жестких деревянных лавках, вжавшись друг в друга. Места катастрофически не хватало. Колени упирались в чужие вещмешки, а приклады автоматов, с которыми мы еще не свыклись, на каждом ухабе болезненно били по ребрам. Мотор взревел на надрыве, грузовик дернулся, и мы поехали. В кузове стояла давящая, вязкая тишина. Никто не травил армейские байки, не пел под гитару, как в дешевых сериалах. Слышен был только монотонный стук дождя по брезенту, надсадный гул трансмиссии и сдавленное дыхание двух десятков мужиков, едущих в абсолютную неизвестность. Я смотрел в узкую щель между полом и бортом. Мимо проплывали изуродованные пейзажи, окончательно стирающие грань между прошлой жизнью и настоящим: остовы сгоревших легковушек на обочинах, срезанные словно гигантской бритвой макушки деревьев, черные провалы окон в брошенных домах. Чем дальше мы ехали, тем хуже становилась дорога. Грузовик кренился так, что казалось, мы вот-вот завалимся в кювет, заполненный мутной жижей. — Ноги разомни, Стажёр, — негромко, но

четко прозвучал голос Михалыча из полутьмы. — Затекут — хрен потом спрыгнешь быстро, если накроют. Я послушно пошевелил ледяными пальцами в дубовых, не разносившихся берцах. И тут это началось. Сначала звук вообще не походил на взрыв. Это был мощный, утробный толчок, который пришел не через уши, а через пол грузовика — прямо в подошвы ботинок, отдавшись вибрацией в позвоночнике. Воздух в тесном кузове на долю секунды уплотнился, ударив по барабанным перепонкам резким перепадом давления. И только потом донесся раскатистый, вспарывающий небо грохот. Парнишка, сидевший напротив, инстинктивно втянул голову в плечи и накрыл ее руками, выронив свой автомат на железный пол. Кто-то в углу хрипло и грязно выругался. Я до хруста в костяшках вцепился в цевье, чувствуя, как по спине поползла липкая струйка холодного пота. — Спокойно, — Михалыч даже не шелохнулся. Он просто прикрыл глаза, будто вслушиваясь в ритм какого-то невидимого механизма. — Это «выход». Наша арта работает. Секунд через десять где-то далеко впереди земля содрогнулась снова. На этот раз звук был более сдавленным, злее, с раскатистым эхом, от которого задрожал тент. — А вот это уже прилет. Километра три-четыре от нас, — констатировал шахтер. Он достал из кармана помятую сигарету и, не поджигая, просто зажал ее зубами. — Добро пожаловать за «ленточку», пацаны.

Глава 3. Другая сторона света

«Урал» затормозил так резко, что мы едва не посыпались друг на друга. Снаружи раздался приглушенный крик: «Выгружаемся! Живо, по одному, в зеленку!» Я спрыгнул с высокого борта прямо в чавкающую, непроглядную темень. Ботинки тут же по щиколотку ушли в холодную жижу. Никаких фонариков. Никаких громких команд. Только шепот и маты спотыкающихся в грязи людей. Дождь усилился, пробивая тонкую куртку насквозь. Нас повели гуськом вдоль лесополосы. Деревья вокруг стояли изувеченные, с обломанными ветками, словно кто-то гигантский прошелся по ним косой. Наконец проводник нырнул куда-то под землю. Мы потянулись за ним по скользким глиняным ступеням. Внутри блиндажа пахло сырыми досками, плесенью и мышами. Пространство три на три метра, в которое набилось человек десять. Кто-то чиркнул зажигалкой, выхватив из мрака закопченный потолок из толстых накатов бревен. — Аккум притащили? — прохрипел из угла чей-то голос. — Притащили. Да толку-то, — отозвался Михалыч, с грохотом опуская на земляной пол увесистый автомобильный аккумулятор. — Клеммы ржавые, провода — сопли. Не контактит ни хрена. В темноте кто-то начал возиться, пытаясь прикрутить кусок дешевой светодиодной ленты к батарее. Лента пару раз судорожно моргнула мертвенно-синим и погасла. Посыпались ругательства. — Дай сюда, — я протиснулся вперед, опускаясь на колени прямо в грязное месиво. Руки действовали на автомате. Еще совсем недавно, в той, прошлой жизни, я часами сидел с мультиметром, перебирал контакты, настраивал тайминги и тонко подбирал напряжение на железе, чтобы выжать из системы максимум, не спалив цепи питания. Физика здесь была точно такая же, просто вместо тонкого текстолита — кусок грязного пластика и окислившийся свинец. Я вытащил из кармана перочинный нож, который сунул туда еще дома, собираясь на собеседование. Жестко, до медного блеска зачистил концы проводов. Затем соскоблил слой серого окисла с клемм аккумулятора. — Прижми вот здесь пальцем, только не дергайся, — скомандовал я парнишке в ветровке. Скрутив жилы максимально плотно, чтобы минимизировать сопротивление и избежать нагрева, я накинул их на клеммы. В блиндаже вспыхнул тусклый, неровный, но такой долгожданный свет. Он выхватил из мрака наши измазанные грязью лица, пар, идущий изо рта, и сваленные в угол автоматы. Я аккуратно распределил ленту по центральной балке, чтобы свет падал равномерно, не слепил глаза и не жрал лишнюю энергию. Михалыч со вздохом опустился на нары из сырых ящиков, стягивая с головы мокрую шапку. — А ты не только с бумажками работать умеешь, Стажёр. Полезный. Я ничего не ответил. Просто смотрел на свои руки, перепачканные свинцовой крошкой и землей. Где-то наверху, за толщей бревен и наваленного грунта, снова раскатисто и мощно ухнула артиллерия, но здесь, в этом маленьком островке света, мы впервые за сутки почувствовали слабую иллюзию безопасности.

Глава 4. Боевое крещение

Сон в сыром блиндаже не приносил отдыха. Это было мучительное, рваное забытие под монотонный гул далекой канонады и шорох осыпающейся с потолка земли. Чья-то жесткая рука резко тряхнула меня за плечо. Я открыл глаза, инстинктивно вцепившись в автомат, с которым теперь спал в обнимку. — Подъем, Стажёр, — тихий, но напряженный голос Михалыча моментально прогнал остатки сна. Я сел на нарах, ежась от пробирающего до костей холода. На часах было ровно пять утра — самое мерзкое, выматывающее время, когда организм отчаянно сопротивляется пробуждению. В тусклом свете диодной ленты Михалыч протянул мне вскрытую жестяную банку и кусок черствого хлеба. — Закинь в топку. На пустой желудок бегать — гиблое дело, силы быстро кончатся. Я заглянул внутрь. Там лежала обычная дешевая тушенка, покрытая слоем застывшего белого жира. Настоящие армейские сухпайки в зеленых коробках — с портативными горелками, галетами и повидлом — были только в регулярных частях. Мы увидим их не раньше, чем через месяц, когда Россия официально признает ДНР и ЛНР. А пока нашей реальностью были ледяные консервы, вскрытые ножом. Разводить огонь или греть еду на портативной плитке было категорически запрещено — тепловизоры с вражеских дронов моментально срисовали бы нас по источнику тепла. Я подцепил кусок мяса лезвием своего перочинного ножа и отправил в рот. Холодный жир неприятно обволакивал нёбо, вкуса почти не чувствовалось, но истощенный стрессом организм жадно требовал калорий. Мы ели молча, передавая банку по кругу. Когда с завтраком было покончено, Михалыч вытер руки о штаны, взял автомат и хрипло произнес: — Собираем снарягу. Без шума, не бряцать. Приказ пришел. Идем на штурм окопов на севере, тут пара километров по зеленке. Нашим пацанам там сейчас очень тяжело, надо помочь. Пойдем с фланга, сбоку, чтобы сюрпризом было. Штабные по рации передали, что у них там сейчас тихо. Спят еще, расслабились. Из темного угла блиндажа, где кто-то судорожно пытался зашнуровать влажные берцы онемевшими пальцами, раздался сдавленный, злой смешок. — Ну да, конечно, спят они... — прохрипел невидимый в полумраке боец, в котором я узнал того самого дерганого парнишку из военкомата. — Ждут нас не дождутся с горячим чаем. Опять насмерть идем. Штабным-то из теплых кресел виднее, кто там спит... — А ну отставить панику! — резко, хлестко оборвал его Михалыч. В его голосе лязгнул настоящий металл. — Пойдешь с таким настроением — точно там ляжешь. И нас за собой потянешь. Отработаем быстро и жестко. Все всё поняли? Никто не ответил, только сухо лязгнули затворы. Я поднялся с нар. В животе свернулся тугой, ледяной ком страха. Одно дело — сидеть под землей и слушать прилеты, и совсем другое — идти туда самому, своими ногами. Мы потянулись к выходу из блиндажа. Снаружи нас встретил колючий, пронизывающий утренний туман. Он густой пеленой висел над землей, пряча в себе изуродованные деревья. Идеальное укрытие для тех, кто хочет подобраться незаметно. И идеальная ловушка, если нас уже ждут. Двигались колонной по одному, след в след. Михалыч шел впереди, ступая грузно, но удивительно бесшумно, как привык ходить под землей в шахте. Я старался копировать его шаги, аккуратно перенося вес с пятки на носок, чтобы не хрустнуть предательской веткой. Влажный воздух скрадывал звуки, но собственное дыхание и стук сердца в ушах казались мне оглушительно громкими. Прошли около километра. Лесополоса начала редеть. Туман клубился, приобретая сероватый оттенок — надвигался рассвет, который мы должны были опередить. Вдруг Михалыч резко вскинул сжатый кулак. Команда «Стоять». Вся цепочка моментально замерла. Я плавно опустился на одно колено прямо в мокрую грязь и стянул флажок предохранителя вниз, на одиночные. Осторожный щелчок металла в этой звенящей тишине показался мне ударом молота. Впереди, метрах в сорока, сквозь белесую пелену проступили неясные очертания наваленной земли — бруствер вражеского окопа. Оттуда донесся тихий, приглушенный туманом кашель и характерный металлический лязг — кто-то из дозорных откинул крышку цинка с

патронами. Они действительно расслабились. Михалыч медленно обернулся ко мне. В его глазах под краем каски не было ни страха, ни азарта — только холодный расчет человека, пришедшего делать жестокую работу. Он еле заметно кивнул, крепче перехватывая свой потертый автомат, и жестом показал рассредоточиться для броска. Я сделал шаг вправо, уходя за ствол толстого, посеченного осколками дуба. Парнишка из военкомата — тот самый, в тонкой осенней ветровке — оказался в нескольких метрах от меня. Его колотило. То ли от ледяного утреннего холода, то ли от дикого выброса адреналина. Он перехватил автомат дрожащими руками и сделал неосторожный шаг вперед, торопясь выйти на линию огня. Под его ботинком предательски, на весь лес, хрустнула толстая сухая ветка. Вражеский дозорный отреагировал мгновенно. Из окопа, прорезая белесую пелену тумана, ударила короткая очередь. Яркие вспышки трассеров казались неестественно красивыми в этой серой мгле. Парнишка не закричал. Он вообще не издал ни звука. Пули ударили ему в грудь с таким страшным звуком, словно кто-то бил кувалдой по мешку с песком. Его отбросило назад, и он мешком рухнул в чавкающую грязь. Автомат отлетел в сторону. Это была первая смерть, которую я увидел так близко. Никакой музыки на фоне, никаких последних слов. Только неестественно вывернутая нога в дешевом гражданском ботинке и медленно расплзающееся темное пятно на тонкой ткани ветровки. Времени на осознание не было. — К бою! Дави их! — разорвал тишину дикий, звериный рев Михалыча. Лес взорвался грохотом. Воздух моментально наполнился свистом пуль, летящих в обе стороны, и едким запахом сгоревшего пороха. Я упал на колени, вжал приклад в плечо, до боли стиснув зубы, и поймал в прицел край бруствера. Сквозь рассеивающийся от выстрелов туман я увидел силуэты. Двое. Они двигались уверенно. Даже в полумраке было видно, как громоздко сидит на них снаряжение: широкие плечи, массивные грудные панели. На них были современные, прочные плитники. Настоящая броня. Палец инстинктивно потянулся нажать на спуск, целясь в центр масс, как учили в тире на военной кафедре. Но мозг, привыкший просчитывать алгоритмы, сработал быстрее инстинктов. «Если я всажу очередь ему в грудь — мои 5.45 либо просто застрянут в его керамической плите, либо пробьют ее и испортят чехол. А нам в этом бронежилете жить и воевать следующий месяц». Холодный, циничный расчет вытеснил страх. Я чуть опустил ствол автомата. Мушка легла на уровень коленей. Короткое нажатие на спуск. Двойка. Автомат привычно дернулся в плечо. Силуэт в окопе нелепо взмахнул руками, выронил оружие и с истошным криком завалился набок, исчезнув за земляным валом. Я перевел огонь правее. Второй противник пытался высунуться из-за пулеметного гнезда. Мушка скользнула по его силуэту и остановилась на выставленном локте и незащищенном плече. Еще одна короткая двойка. Пули высекали фонтанчик земли из бруствера, и боец с воплем осел на дно траншеи, хватаясь за пробитую руку. — Вперед! Зачищаем! — гаркнул Михалыч, первым срываясь с места и прыгая прямо в клубящийся пороховым дымом окоп. Я бросился за ним. Ноги скользили по мокрой глине. Внутри траншеи пахло свежескопаной землей, медью и горячей кровью. Соппротивление было сломлено — внезапный удар с фланга и плотный огонь сделали свое дело. Бой длился от силы минут пять, но мне казалось, что прошли часы. Михалыч стоял запыхавшись, опираясь на свой дымящийся автомат. Он окинул взглядом дно окопа, где лежали те, в кого я стрелял, и перевел свинцовый взгляд на меня. — Ювелирно сработал, Стажёр, — сипло выдохнул он, заметив, куда именно пришлись мои попадания. — Броню не попортил. Ну что... Давай сюда. Пойдем посмотрим, что нам по наследству досталось. Снимать снаряжение с мертвеца — совсем не то же самое, что собирать трофеи в кино. Чужая броня оказалась неподъемной, пропитанной потом и грязью окопов. Фастексы и застежки с трудом поддавались онемевшим от холода пальцам. — Первым делом вот это снимай, — Михалыч ткнул стволом в грудную панель убитого, где красовался шеврон с чужим флагом. — Прямо с мясом дери, если надо. С громким, сухим треском липучки-велкро я оторвал вражеский патч и брезгливо отбросил его в лужу. — И сразу свой лепи, или скотчем цветным мотай, — наставлял шахтер, помогая мне вытягивать бронеплиты. — Трофей — это,

конечно, хорошо, но если наши издали срисуют чужой флаг на твоей груди — положат без разговоров. Жить хочешь — обозначай себя четко. Я кивнул, доставая из кармана заранее приготовленный шеврон с триколором, и плотно впечатал его в ворсистую панель трофейного плитника. Затем принялся выгребать из подсумков магазины. Снаряженные под завязку тридцатки. Четыре, пять, шесть штук. Туда же полетели три ребристые гранаты и плотный кевларовый шлем. Тут мой взгляд зацепился за оружие убитого, наполовину вдавленное в глину. Я потянул его за ремень. Это был АК-74М, но на боковом кронштейне ствольной коробки громоздился массивный оптический прицел. Никаких коллиматоров для ближнего боя. Серьезная, мощная оптика, предназначенная как раз для таких открытых пространств. Металл был настоящим, ледяным и пах гарью. Мы выползли из траншеи, волоча за собой связки бронежилетов, шлемов и разгрузок, набитых патронами. Остатки нашего взвода рассредоточились вдоль лесополосы, контролируя подходы. Парни выглядели потерянными. Многие не сводили взглядов с неподвижного тела парнишки в ветровке, который так и остался лежать возле дуба. Боевое крещение сняло с них все иллюзии. Михалыч сбросил вещи в центр, прямо на пожухлую траву. — Разбирай! — скомандовал он. — Броники надевать поверх бушлатов, подгоняйте лямки, чтобы плиты на животе не висели, грудь должны закрывать! Флаги проверяйте! Рожки делим поровну, у кого пустые — забивайте сейчас. Шлемы меняем. Мужики молча потянулись к куче. Никакой брезгливости не было — страх умереть от шального осколка оказался сильнее. Через минуту серая масса в старых куртках ошетибилась современными плитниками и кевларом. Мы стали похожи на настоящую боевую единицу. Михалыч поднял тот самый трофейный автомат с оптикой, смахнул с линзы комья грязи и протянул его мне. — Забирай, Стажёр. Твой трофей. Я неуверенно взял увесистое оружие, привыкая к смещенному балансу. — Почему я? — Потому что здесь, в полях, кто видит дальше, тот и живет дольше, — жестко ответил Михалыч. — У тебя глаза молодые и мозги инженерные. Тут барашки покрутить, прицельную сетку выверить — это не кайлом махать, тут соображать надо. Разберешься, как эта стекляшка работает — будешь нашими глазами. Шахтер передернул затвор своего автомата, окинул взглядом вымотанных бойцов и устало выдохнул: — Всё, мужики, перекур. Закрепляемся. Напряжение немного отпустило, кто-то осел прямо на край окопа, парни потянулись за мятыми пачками сигарет. Так как я не курил, мне в этом облаке едкого табачного дыма делать было нечего. Я закинул автомат на плечо и спустился в отбитый вражеский блиндаж — нужно было хотя бы на десять минут вытянуть гудящие ноги и просто перевести дух.

Глава 5. Ответный удар

Вражеский блиндаж оказался на удивление глубоким и сухим. Стены были плотно обшиты стругаными досками, в углу стояла небольшая буржуйка. На столе валялись разорванные упаковки от европейских сухпайков и брошенная в спешке портативная рация. Я устало опустился на нары, прислонив свой новый трофейный автомат с оптикой к стене. Тишина давила на уши. Адреналиновый шторм начал спадать, оставляя после себя сосущую пустоту в желудке и дрожь в пальцах. Нужно было занять руки, чтобы не дать мозгу прокручивать перед глазами смерть парнишки в ветровке. Я вытащил из разгрузки два полных магазина. Положил их рядом. В голове сама собой включилась привычная логика инженера-оптимизатора. В работе с железом всё решает скорость отклика системы. Здесь, в окопе, задержка при перезарядке — это не зависший экран, это пуля, которую ты не успел опередить. Мне нужно было сократить время смены магазина до минимума. Порывшись в карманах старого бушлата, я нащупал моток черной тканевой изоленды. Проложил между двумя магазинами подобранную с пола стреляную гильзу — чтобы создать зазор и конструкция нормально входила в приемник автомата — и начал туго, виток за витком, сматывать их вместе. Получился монолитный спаренный блок. Теперь у меня было шестьдесят патронов, разделенных лишь одним коротким движением кисти. Никакой необходимости лезть рукой в подсумок. Я с лязгом вогнал эту спарку в автомат, проверил, надежно ли сидит, и откинулся спиной на доски, чтобы перевести дух. Не успел я закрыть глаза, как сверху по ступеням с грохотом скатился Михалыч. Он буквально ввалился в блиндаж, сбивая плечом деревянную подпорку. Его лицо было искажено. — В пол, Стажёр! Воздух! — заорал он не своим, сорванным голосом. — Отстрелялись по нам, сейчас накроет! Я инстинктивно рухнул на грязный земляной пол, накрывая голову руками. Звук приближающегося снаряда не похож на киношный свист. Это был жуткий, нарастающий шелест, будто кто-то разрывал над нами гигантский кусок плотного шелка. А в следующую секунду мир перестал существовать. Удар был такой чудовищной силы, что меня подбросило над полом. Толстые бревна наката над головой жалобно затрещали, сверху посыпались комья сухой земли и пыль, моментально забившая нос и горло. Второй разрыв грохнул где-то совсем рядом, у самого входа в блиндаж. Темнота вспыхнула оранжевым. Когда земля перестала ходить ходуном, я попытался вдохнуть, но закашлялся от густой пороховой гари. Звуков не было. Вообще никаких. Сокрушительный артиллерийский удар просто выключил слух, оставив вместо него невыносимый, тонкий, сверлящий мозг писк. Контузия. Сквозь серую пылевую завесу я увидел Михалыча. Он тряс меня за плечо, его губы быстро шевелились, но я не слышал ни слова. Он ткнул пальцем в сторону выхода из блиндажа и показал два растопыренных пальца, имитируя идущие ноги, а затем сжал кулак. «Идут». Противник действовал по учебнику: арта прижала нас к земле, а теперь под прикрытием пыли они шли забирать свои окопы обратно. Я замотал головой, прогоняя тошноту, схватил свой утяжеленный автомат и на ватных ногах пополз следом за Михалычем наверх, в траншею. Мы вывалились на бруствер. Лесополосу было не узнать: деревья, за которыми мы прятались полчаса назад, превратились в расщепленные пеньки. Вся зеленка заволоклась густым, сизым дымом от разрывов. Я лег грудью на холодную землю, упер приклад в плечо и прильнул к окуляру восьмикратного прицела. Стекло чуть запотело от моего сбитого дыхания, но оптика сделала свое дело. Сквозь рассеивающийся дым, метрах в трехстах от нас, я увидел их. Серые, приземистые силуэты. Полноценное пехотное отделение, человек десять или двенадцать. Они не бежали толпой. Они двигались грамотно, перебежками, разбившись на тройки, прикрывая друг друга. Профессионалы. Они были уверены, что после такого артобстрела в наших окопах остался только фарш. Тонкий писк в ушах начал сменяться низким, ватным гулом возвращающегося слуха. Я поймал в перекрестье прицела грудную пластину первого бегущего силуэта, чувствуя под левой рукой

ребристую поверхность спаренного магазина. В эту секунду в голове не осталось ни единой мысли из прошлой жизни. Студент, инженер, парень в чистой рубашке на собеседовании — все они окончательно исчезли, стерлись в пороховой пыли и грохоте арты. Осталось только перекрестье оптики, холодный металл в руках и враг, который шел меня убивать. Я плавно выдохнул, затаил дыхание и потянул спусковой крючок. Грохот моего выстрела разорвал ватную тишину. В оптику было прекрасно видно, как идущий впереди силуэт споткнулся, словно налетел на невидимую стену, и замертво рухнул лицом в пожухлую траву. И тут же окоп позади меня ожил. — К бою, твою мать! На бруствер! — хрипло, надрывая сорванное горло, заорал Михалыч. Он пинал берцами тех, кто всё еще лежал на дне траншеи, оглушенный артой. — Работаем! Мужики, ошалевшие от контузии, грязные, с кровоточащими от перепада давления носами, начали вываливаться на огневую. Затрещали затворы. Секунду назад противник был уверен, что идет в мертвую зону зачищать трупы, а теперь на них обрушился шквал свинца из десятка стволов. Те, кто шел по полю, отреагировали мгновенно, на одних рефлексах. Никакой паники. Оставшиеся на ногах рухнули на землю и тут же открыли плотный, давящий ответный огонь. Над моей головой со злым, шершневым свистом пронеслись пули, сбивая щепки с остатков деревьев. Бруствер перед лицом фонтанировал комьями сухой глины. Я вжался в землю, лоя в прицел вспышки их выстрелов. Поймал перекрестьем каску, торчащую из-за бугорка, нажал на спуск. Мимо. Взял чуть ниже, выстрелил еще дважды. Каска дернулась и исчезла. Справа от меня оглушительно, басовито застучал пулемет. Это Седой, здоровяк с завода, припал к старому ПКМ, который остался на сошках от предыдущих хозяев позиции. Длинными, злыми очередями он начал буквально скашивать траву перед нашими позициями, прижимая вражескую пехоту к земле. Но у них тоже был пулеметчик. В ответ по нашему брустверу хлестнула длинная очередь. Автомат в моих руках мелко дрожал от непрерывной стрельбы, ствол раскалился так, что от него пошел сизый пар. Затвор сухо шелкнул. Пусто. Вот он, тот самый момент. В другой ситуации пришлось бы судорожно шарить по подсумкам, теряя драгоценные секунды под огнем. Но спаренный изолянт магазином сработал идеально. Я просто нажал на защелку, выхватил опустевший рожок, сместил кисть на пару сантиметров в сторону и вогнал вторую половину скрутки в приемник. Передернул затвор. На всё ушло меньше двух секунд, и я снова был в бою, выцеливая вражеского пулеметчика. Наш взвод, хоть и состоял из вчерашних гражданских, сейчас, в новых трофейных брониках и шлемах, держал позицию намертво. Страх смерти и первобытный инстинкт превратили нас в единый, злой механизм. Противник быстро понял, что легкой прогулки не выйдет. Потеряв фактор внезапности и попав под плотный пулеметный и прицельный огонь, они не стали самоубийственно лезть на подготовленные стволы. Сквозь дым я увидел, как один из вражеских бойцов попытался подхватить под мышки упавшего рядом товарища. Он потянул его на себя, но в этот момент пулеметная очередь Седого с яростным треском вспахала землю буквально в полуметре от них. Нервы у бойца не выдержали. Инстинкт самосохранения оказался сильнее уставов. Он бросил раненого, пригнулся и зигзагами рванул вслед за откатывающейся группой, которая быстро растворялась в спасительном сером тумане. Огонь постепенно стих. Наступила та самая звенящая, давящая тишина после боя, в которой было слышно только хриплое, надрывное дыхание наших парней и звон остывающих гильз под ногами. А потом эту тишину разорвал стон. Метрах в ста от нашего бруствера, в пожухлой траве, остался лежать тот самый брошенный раненый. Он не кричал, а надрывно выл, понимая, что за ним уже никто не вернется. Этот звук пробирал до костей хуже любого мороза. Михалыч медленно опустил свой автомат, грузно привалился спиной к стенке траншеи и достал из кармана мятую сигарету. — Всё. Отбились, — мрачно констатировал он. — Глазастый ты, Стажёр. Вовремя их срисовал.

Глава 6. Начало СВО

Прошел ровно месяц. Тридцать бесконечных, слившихся в один сплошной серый день суток. Весь февраль мы провели в лесополках, вгрызаясь лопатами в мерзлую землю. Мы штурмовали опорники, отходили под плотным огнем артиллерии, теряли позиции и снова шли их возвращать. Мы научились спать сидя, отличать калибр снаряда по звуку подлета и не привязываться к людям, потому что завтра их могло не стать. Новость о том, что Россия официально признала ДНР и ЛНР, дошла до нас через хрипящую, перемотанную скотчем рацию. А 26 февраля 2022 года наш потрепанный взвод сняли с передовой и вывели в тыл. Нас передали в состав регулярных сил российской армии. Мы стояли на обочине разбитой асфальтовой дороги и ждали. Грязные, обросшие, пропахшие костром и порохом, в разномастных трофейных плитниках поверх старых бушлатов. Мой спаренный изолентой магазин давно обтерся, а на линзе массивного оптического прицела появилась пара мелких царапин. Первое, что мы почувствовали — это вибрация. Она началась где-то глубоко внизу, отдаваясь в подошвах берцев. Спустя минуту вибрация переросла в настоящую дрожь, словно началось локальное землетрясение. Воздух наполнился низким, давящим на уши гулом сотен дизельных двигателей. Из-за поворота показалась колонна. Я, как и многие наши мужики, видел такое только на парадах по телевизору. Впереди, лязгая траками и кроша остатки асфальта, шли бронированные танки Т-90. Их низкие, хищные башни, плотно обвешанные блоками динамической защиты, казались воплощением первобытной физической силы. За ними, обдавая нас сизым выхлопом, катились ребристые БМП-3 с длинными стволами пушек, а дальше — бесконечная вереница тентованных «Уралов» и КамАЗов с пехотой. Техника шла и шла, застилая горизонт солярковым дымом. Масштаб происходящего просто не укладывался в голову. После наших окопных стычек с автоматами это выглядело так, словно в дело вступили античные боги. Один из «Уралов» затормозил неподалеку от нас, с шипением стравливая воздух из пневматики. Из кузова на обочину посыпались солдаты регулярной армии. Мы смотрели на них, а они — на нас. Контраст был колоссальным. Кадровые бойцы были экипированы в чистый, единообразный «Ратник», в удобных шлемах с активными наушниками и с новенькими АК-12 в руках. А мы на их фоне выглядели как банда анархистов из постапокалипсиса. К нам подошел российский командир роты — рослый, статный капитан с новенькой рацией на разгрузке. На его лице не было ни въевшейся окопной копоти, ни усталости. Он придирчиво окинул взглядом наш строй, задержав глаза на пулемете Седого и на моей восьмикратной оптике, коротко кивнул и скомандовал грузиться на броню. Наша колонна пересекла старую линию разграничения и втянулась в один из первых крупных поселков. Типичный пейзаж: одноэтажные кирпичные дома, заборы из профнастила, брошенные дворы и звенящая, неестественная тишина, от которой у нас, уже обстрелянных, моментально скрутило животы. Колонна встала у широкого перекрестка. Моторы утробно урчали. Кадровые бойцы прыгивали с машин, действуя четко, как на учениях, но слишком кучно. Они чувствовали себя неуязвимыми под защитой танков. Капитан, стоя в полный рост посреди дороги, раздавал приказы: — Вторая коробочка! Выкатывайся на центр перекрестка, перекрывай направление! Пехота, спешиться, занять позиции вокруг брони! Михалыч, который в это время сидел на корточках у кирпичного забора, резко побледнел. Его наметанный глаз моментально прочитал рельеф. Он поднялся и в два шага оказался рядом с командиром. — Капитан, тормозни, — голос старого шахтера был тихим, но напряженным. — Не ставь «коробочку» на перекрестке. Это идеальная пристрелянная точка. У них здесь каждый метр посчитан. Пехоту от брони надо гнать по дворам, рассыпать, чтобы кучей не стояли. Прямо сейчас с тех посадок, — он мотнул головой в сторону густой зелени за домами, — прилетит ПТУР. Нас зажмут с флангов. Командир смерил небритого Михалыча ледяным взглядом сверху вниз. В его глазах читалось откровенное раздражение. — Слушай меня, опол-

чение, — чеканя слова, произнес капитан. — У меня за плечами высшее военное училище и академия. Я тактику марша и развертывания сдавал на отлично, когда ты еще в своей шахте уголь рубил. Я лучше вас знаю, как управлять ротой. Займите свой сектор у обочины и не лезьте в управление боем. Выполнять. Спорить с приказом было бесполезно. Михалыч только скрипнул зубами, резко развернулся и бросился к нам. — В укрытие! Под забор, живо! В землю вжаться! — зашипел он, падая за бетонное основание чьей-то ограды. Мы с Седым рухнули следом, инстинктивно вжимаясь в грязь. Молодые кадровые ребята всё еще топтались вокруг выдвинувшейся на перекресток БМП, проверяя снаряжение. Всё случилось ровно через полторы минуты. Сначала раздался резкий, сухой хлопок со стороны посадки, о которой говорил Михалыч. А затем — шипение, похожее на звук рвущегося брезента. Я даже не успел поднять автомат, как ослепительная вспышка резанула по глазам. Мощный противотанковый комплекс ударил точно в борт БМП-3. Многотонную машину подбросило с оглушительным металлическим лязгом. Динамическая защита сработала, но кумулятивная струя прожгла броню, вызвав детонацию боекомплекта внутри. Башню сорвало с погона и отбросило в сторону. А затем с трех сторон одновременно застрочили пулеметы. Перекресток превратился в мясорубку. Те самые красивые, экипированные по последнему слову техники бойцы падали, срезанные перекрестным огнем. Грохот взрывов смешался с криками и воем рикошетов от асфальта. Высшее военное образование капитана разбилось о суровую окопную правду. Он пытался что-то кричать в рацию, но связь тонула в хаосе. Мы не паниковали. Месяц в грязи под обстрелами отучил нас от этого. Я вскинул свой трофейный автомат, прижавшись щекой к прикладу. Восьмикратник выхватил вспышки вражеского пулемета в окне второго этажа углового дома. — Вижу пулемет! Второй этаж, белый дом с зеленой крышей! — крикнул я сквозь грохот. — Седой, дави туда из ПКМ! Стажёр, снимай их! — гаркнул Михалыч, короткими очередями отстреливаясь по кустам. Пока кадровые пытались прийти в себя и вытащить раненых с простреливаемого асфальта, наш потрепанный взвод хладнокровно, как на работе, начал подавлять огневые точки противника. Мы делали то, чему научились ценой собственных жизней. Бой длился минут двадцать, пока подошедшие сзади танки не разнесли прямым попаданием дома, откуда велся огонь. Когда дым рассеялся, на перекрестке догорала искореженная БМП. Рядом на асфальте лежало около двадцати ребят в новеньком, пропитанном кровью «Ратнике». Двадцать жизней, которые оборвались просто потому, что кто-то посчитал устав важнее опыта. Капитан сидел у обочины, сняв шлем. Он был цел, но его лицо почернело, а взгляд стал пустым и стеклянным. Он не моргая смотрел на погибших солдат. Михалыч прошел мимо него, ступая берцами по усеянной гильзами земле. Никаких упреков. Никакого «я же говорил». На войне это не имеет смысла. Старый шахтер просто остановился рядом, поправил на плече автомат и сипло произнес: — Собирай своих, командир. Идем дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.